

Литература и искусство.

Г. СОКОЛЬСКИЙ.

Пожар.

I.

Свернула молния; зашла дерево;
Рядом—вспыхнула сухая дома;
Закурил ветер—раздувая намеренно—
И запыла весь город... Огонь и тьма!
Некому ни до кого нет больше дела:
Каждый спасает или жизнь, или сквер;
Какая то женщина—сразу поседела;
А вет упал, распластался, как вкрб,
Известный сирота; костом—истертый;
Вид—жалкий; и сам он—мертвый;
Глазнец не выдержал и выстрелил в рот
У своего дома, у горницах ворот...

А вот—давушка, сошедшая с ума;
На пожар—убило жениха и брата,
А сестренку безумная убьяла сама...
Что же разве она виновата?
Девушка бежит, мещает людям,
Кусается, плачет, просит пощадь,
Ноггами терзает нежные груди,
А се бьют, отгоняют прочь,
Точно голубку чужую собаку;
И никто не смотрит на кровавую рубашу,
Никто не слышит сумасшедшего смеха:
«К черту!», кричат ей: «К черту, помехи!»

А вот—место начала несчастья;
Горят брошенные наоси, браслеты,
Плавятся наски, машинные части...
Пожар на поле страшного боя.
С ужасом убежали побежденные люди,
И яростью жестокая стихия хохочет;
В воздухе стоны адовых прельюний;
Сумрак промежуный три дня, три ночи...
Скоро—жарить огню будет нечего:
Все сжжено, развалено, ископчено,
И, полный злобы и ненавистной ярости,
Огонь разбегается по остаткам преступств.

А там, за пожаром, у водной доли
Люди разбили свой жалкий табор
И снова живут... Что может быть проче?—
Вчера—культуртрегер, сегодня—варвар,
Человек привыкает к чему угодно,
И только от смерти животно бежит;

А жить—во дворце ли, в палатке—ль походной—
Путь безразлично... Только бы жить!
Вон они все; и поседевшая дьяма,
И безумная девушка... вчерашняя драма
Сделала первую только историю:
А девушка—тоже скоро воскревет,
Станет как раньше—глазнец итерый,
Мечтать и вить под звуки виллары...
Время мучнее—все оторвет:
Долго-ли люди жонвят старое?
И страхе во нужно было стремиться;
Если-б он был чуть чуть поумнее,
Стал бы не плакать, а скорее смеяться:
Ведь спекуляция при бедности всегда крушеет,
И он убился—совсем напросив;
Валелся пидляво корчачено-красной,
А то бы сегодня отчаяно «поработал»,
И считал бы барыши, обиваясь потом...

II.

Прошло пять лет; срок вовсе мизерный...
Где были угли и дыма клубы—
Появились дома в стиле «модерн»,
Роскошные дворцы, виллы, сады;
Весь следы пожара—исчезли
И вырос город новый и странный;
Люди забыли огненные бедствия
И живят счетом девонств-опионов;
Город стал уже гордоство-опион;
В е в нем громко кричат о цивилизации,

Посудите: канализация, радио, трамвы...
Не было бы и счастья, не случись драмы!
И разве только в глубоких тайниках,
В душе какого нибудь жалкого пиянчуги
Живет недовольство: не забудет никак
Кривую улочку; на ней лацугу...
В этой лацуге жила когда-то
Их трудовая, дружная семья:
Жена, детишки... Жили небогато,
Но домам был свой; улочка—своя!
А теперь—все это рассыпалось прахом...
О пожаре вспоминается со злобой и страхом:
Дети в суматохе пропали куда-то...
Жена—сплелась... Ну, да сама виновата...

Возможно еще, что в приюте новом
Тошуют дети, потерявшие матерей:
Редко слышат их ласковым словом,
Накормят, науют—и спать скорей;
А в высоких окнах—так уютно:
Мама не поделует... Нет лампады...
Спят беспокойно, вскрывают поминутно:
Душат кошмар страшный и гадкий...
Валелся грозно соседний дом,
И все как когда-то опять повторяется,
И каждую ночь—мама терзается!
Вспрочем—пустяки: забудут и эти
Свое лампады и свои лацуги;
Живут ведь—рационально, за хорошей датею,
Учатся, читают, имеют досуги.
Всеаке драмы—продукт бедности...
А теперь куется цельная натура:
Здоровый дух—в здоровом теле;
Новые приемы—новые культуры.
Странно одно: все гиттеначески,
А многие малыши—все-таки анемичны,
В гимназах гечно какие-то тревоги;
Спросить—заплачут... Такие подороги!...

Довольно... Мимо! Ведь в Новом Городе
Есть кое-что гораздо интересней:
Все продумано; в стройном азорде
Смесь искусства и науки, и искусства вместе;
Евгенианте на руку, на кавармы милащины:
Равне-не чудо простоты и комфорта?
Не даром такие интеллигентные лица
У нашего солдата проскавшего эскорта!..
А театры? Книжки? Мозговые бульвары?
Ах, не смею ли был город старей?
И разве все новое, лучшее, иное
Кулево славном дорогом ценом?!

Стан Восстаний.

Фрагмент поэмы

Явь сценарием сумасшедшего автора
бегу надом всякий день экран
к тысячелетнему ньюйоркскому завтра
сегодняшнее—восторженный эмигрант.
Сон блый воплотился и дразнит
нет «смельзя» для сказавших «возьмем»
рок векам обреченным казни
всходить на костер знамен
Ключья утра вздеты на древки
морем вырос недавний родник
ниагары венозной нефти
в мирового Рима огни.
Вновь персты свои время Перон
в рукомынике битв омыл
жертвой новым и старым верам
зажженные факелы—мы.
Явь напевом безумного барда
вод неистовых слушающая гул
мы—робинзонов полтора миллиарда
на сегодняшнем берегу.

ЗАБАЙКАЛЕЦ.

Пльвучки наелись.

О. Петр заблаговно причисывал
своей давнишней вдовы.
Матушка кардела за столом,
над листом бумаги, и вооружив
шнел караишном, выточивала
число 666—приход антияриота.
На всякие лады она несколько
раз переставляла непонятные
ей буквы Р.С.Ф.С.Р., чтобы в
них только известным ей путем
это роковое число и получалось.
— Все идет как по писанью—
заговорила она, обращаясь к ста
рому воярарю—Михеичу.—В пи
сании то сказано: «И настает
время, когда пойдет братия Бра
та, стей на сына и вын на стпа.
— Ну, што Михеич, облылось это?
Михеич, как то загадочно мт
пуз одним гавном, молчал. Матуш
ка прохаживала по «писанью».
— И придет тогда антиярист.
И забереет он все в свои руки.
И нельзя будет тогда «бегать» ни ку
пить, ни продать. И будет выла
дывать печаль свою тем, кто пойд
ет по служению к нему. И будет
ни тогда власть и все доступно...
Шт-й то давко говорит, а б эф
том самом антияриоте, с его и
нет,—буркнул Михеич.
Его старый глаз снова мигнул.
Как будто он хотел сказать:
«Время ты, матушка».
— Все это, Михеич, облылось.
Все, как есть по писанью идет,
во только одно не облылось: в
писании то сказано, что антияри
стова власть будет продолжаться
два года два месяца две недели
и два дня, а комуна-то, эта са
мая—антияриотова власть, почтять
5 лет жиеет!
— А я думаю, матушка,—все
это явь является комунаю анти
христом. Вить хотя бы нашего
Пустобрехенького Ивана, человек
он добрый... Даром што в кому
нах живет. И все без печали эф
той самой, ходит. Правой!
«Вот и вей в его тошкостере
пину святое слово»—ругнула в
сторону матушка.Ты, Михеич, по
чтала бы, што в святом то писан
ии говорится, тогда и не говорила
бы так.
— И снова нараспев заговорила
«по писанью».
— И придет тогда всякая бо
лезнь, печаль, глэд, мор...
— О, Господи, проши мой ду
шу грешную,—взмолился Михеич.
И волюталя его рука задрожала...
— Нельзя витьте благоосиеть
к внутрене,—добавил он вставая и
уходя к двери.
— Да да, Михеич, время. Да
смотри хорошенько, чтобы на не
силь верст было слышно. Проба
сал о. Петр.
Постарался, батюшка.
Михеич ушел.
— Неужели и сегодня пусто
будет, как в прошлый раз? Этак,
пожалуй, и на хлеб не заработаешь,
размышлял о. Петр.
— Хотя бы скорей кака интуль
болезнь пришла. Все бы скорее

И. ЭСПЕРАНТОСКИЙ.

Остившийся вышедшим.

«Ташежные Зори», № 1, Новониколаевск.
Хотя безграмотность и относит
ся к числу типично женских недо
статков, на этого еще не следует
что у редактора «Ташежных Зорь»
г. Константина Соколова женствен
ная натура. Я думаю совсем на
против. Обладая столь обширными
литературными багажами, выпустить
в свет «первый в Сибирь частный
журнал», да еще снабдить его
беззаветной любовью и «2-ое из
дание» и широкоэстетическим ан
шлагом.—
Журнал ставит своей целью
исключительно высшую художес
ственную леп эратуры и искусство
стать вообще (Курьер мой И. Э.)
В журнале будут помещаться все
достижения (и Сибирских) поэтов
писателей и художников без разли
чия литературных и художествен
ных школ и направлений, и т. д.
— согласится, для всего этого
потребна немалая доза мужества.
За неимением произведения г.
Соколова «Подухи Ермана», весь
литературный материал и журнала
да «Ташежные Зори» раздается на
1) стихи и 2) прозу.
В какому роду язычной сложе
ности отнести вышеупомянутые

И ясно, «птица радости», «цветы
в руках ее качаются», «белеют
крылья лебедей» и все такое про
чее.
Не советую человеку этаким
штурм-бурным торговать. Ведь эта
сама колесничая девица у А. Ва
ка в первомов хоре распевала,
да и г. Виткин с ней под ручку
еще в 907 году разгуливал.
Теперь она в таком возрасте,
когда девы больше мыслями инт
ресуются, а вы ее в люди та
щите!
Фольклором так и прет со стра
ни «Ташежных Зорь». Кого тут
только нет:
Киргизы,
тавари,
вогулы.
За недостатком своих янорд
цев даже карол прихвятили.
Некоторые нештоп нельзя отка
зать и в глубоком знакомстве с
т. и. «русским народным языком».
«Ланушка зима», «светлые лес
ные терена», «грудная рыбацка до
люшка», «разноба», «Ох ты, вью
га, моя вьюгунка»—подобные обо
роты рассказаны в изобилии и у
И. Воробьева, и у Бориса Ваго
датного, и у О. Черемшанова. Как
сговорились.
Остальные стихи в номере—бо

следине при всех своих дефектах
имели большее преимущество по
сравнению с «Ташежными Зорями»
—были скромны и не выдавали
своей странью за высшую художе
ственную и «достижения».
В. Далматов, известный тем, что
его как то (оказание, по расцени
ности) палецачал в «Сибирских
Огни» подвизается в «Ташежных
Зорях» с малюнькой, но, немалю
самой нудной и бедной вещи
цей «Шахматы». Один мой знако
мый хвастался, что прочел эту ми
ниатюру до конца.
Наверное, врет.
Хорошее впечатление произо
дет сказки Б. Урманова, но на
зависе ужасно: «Связки степи»
«плетя мысли». Моейбл безвкус
ны. Чая это перд? В «Советской
Сибирь» были престо «Сказки сто
ни». Уж не тарелатый ли редак
тор эти самые «плетя» приследи
л для вайней «художественности».
Хороший рассказ Смолякова «Путь»
по моему, вовсе не портит то об
стоятельство, что действующе соб
ла, тавари, говорят между собой
на домашнем русском языке.
Это придает рассказу какую то
иллюзу теплоты. Неестественно? Не
ведь волонтиный лес на степе то
же неестественен.
Ни с того ни с сего стужис

